

Глава 16

Когда сердце тронато

— Бинсы... Бинсы?

В белой дымке что-то шевелилось — примерно там, где обычно стояла лохань для купания. Оттуда доносился плеск воды.

Жун Се снял со стены деревянный ковш, используя его как оружие, и, осторожно зовя по имени, двинулся в сторону ширмы.

Он никак не мог понять, как всё дошло до этого. Если Шэнь Бинсы хотел помыться вместе, разве нельзя было просто спросить? Зачем подсыпать что-то в еду?

И уж тем более... тем более снимать с него одежду.

Жун Се крепко сжал рукоять ковша.

Шэнь Бинсы не мог так поступить. Жун Се его знал.

— А? Ты проснулся, — донёлся голос того из-за плеска воды.

Порыв горячего влажного воздуха разогнал белый туман, и обстановка в центре ванной стала видна отчётливее.

Шэнь Бинсы стоял спиной к нему, обернув бёдра лишь белой тканью.

Его фигура не выделялась среди высоких и могучих заклинателей секты Духовного Зеркала. Раньше, во время состязаний, Жун Се, стоя внизу, часто переживал за него. По сравнению с теми крепкими воинами и высокими мастерами меча, юноша казался подростком, затесавшимся в компанию взрослых. Ему приходилось прилагать немало усилий, чтобы протиснуться между их мощными телами и спинами, подобными горам.

Позже Жун Се понял: тот казался хрупким не потому, что был слаб, а наоборот — потому, что был силён. Он достиг стадии Золотого ядра намного раньше обычных заклинателей, и его тело застыло в более молодом возрасте.

Все его переживания были напрасны.

Теперь же Жун Се начал сомневаться, не обманывали ли его тогда глаза. Как можно было

назвать тело Шэнь Бинсы «хрупким»?

Его спина была широкой, сужающейся к узкой и сильной талии. Высокая линия талии подчёркивала юношеские пропорции, а длинные ноги, на которых он свободно стоял, казалось, делали его ростом в девять чи.

Жун Се уже много лет не видел его обнажённым. С тех пор как они покинули общую баню внутренней секты, им не нужно было бороться за место, и они мылись, когда хотели, не теснясь вместе. Возможно, из-за долгой разлуки, внезапно увидев его таким, Жун Се не смел смотреть прямо, втайне удивляясь, не начал ли его друг снова расти.

Тот другим ковшом помешивал воду в дымящейся бадье, то зачерпывая, то выливая её обратно. Этот звук Жун Се и слышал вначале.

— Подойди, мне нужно с тобой поговорить, — небрежно бросил Шэнь Бинсы, продолжая возиться с водой.

Жун Се прикусил нижнюю губу и, прикрываясь ковшом, медленно подошёл к нему.

Собеседник вёл себя странно, но это не было похоже на одержимость. На всякий случай Жун Се заговорил первым.

— Мне тоже нужно тебя кое о чём спросить, — сказал он. — В паровых рулетиках что-то было?

— Было, — спокойно признался тот.

Жун Се выставил ковш вперёд.

— Свежее мясо, — добавил Шэнь Бинсы, обернувшись.

Жун Се быстро опустил ковш.

— Ох.

— Ты ведь не думал, что я подсыпал тебе яд? — тот заметил его движение, и его взгляд потемнел.

— Нет, конечно, — виновато пробормотал Жун Се. — Я просто удивился, почему вдруг заснул...

— Твоё тело слишком ослабло, — Шэнь Бинсы бросил ковш в лохань и подошёл к нему. Его взгляд задержался на обнажённых голених и руках Жун Се, затем он схватил его за запястье,

которым тот прикрывал грудь, и легко отвёл руку в сторону. — Яд бы навредил тебе. Я не стал бы этого делать. Я лишь использовал резонанс духовного сознания, чтобы подавить твоё сознание.

— Ты... — Жун Се почувствовал, как волосы на его теле встали дыбом. Он попытался вырваться, но левая рука Шэнь Бинсы, словно тиски, сжала его запястье. — Что ты задумал? Отпусти меня!

— Мне нужно с тобой поговорить, — не обращая внимания на его сопротивление, тот потащил его к бадье. Ковш ударился о его грудь, оставив блестящий след от воды, и покатился к ногам, где Шэнь Бинсы отшвырнул его в сторону.

Он схватил Жун Се за плечи и прижал к краю деревянной лохани.

Шэнь Бинсы был на голову выше и шире в плечах, так что подавить сопротивление было проще простого. Жун Се почувствовал, что тонет в его запахе. Перед глазами была лишь непреодолимая стена его плеч. Не желая смотреть на обнажённое тело, он запрокинул голову и в панике попытался найти ответы в его глазах.

— Ты сошёл с ума! Ты понимаешь, что делаешь?

— Понимаю. Мне следовало сделать это давным-давно, — безэмоционально произнёс тот. — В ту ночь, перед твоим последним экзаменом на Закладку фундамента.

— Ч-что? — Жун Се окончательно запутался. Каким последним? Какой ночью?

— Это я был слишком слаб, — продолжал он. — Если бы моё даосское сердце было твёрже, если бы я раньше достиг стадии Зародыша души, я бы не погряз в мирских предрассудках и не смотрел бы, как ты раз за разом терпишь неудачу.

— Это я был слишком слаб, — повторил он.

— Нет... это не так, — инстинктивно возразил Жун Се. Если Шэнь Бинсы слаб, то в мире нет сильных.

— Но теперь всё иначе, — тот закрыл глаза и, снова открыв их, посмотрел на Жун Се взглядом, в котором горел странный огонь. — Теперь у меня достаточно сил, чтобы помочь тебе.

— Достаточно... сил?

— Да, — твёрдо ответил он.

В этот миг, даже если бы Жун Се не хотел, он бы всё понял.

Их полуобнажённые тела, «первоначальный план» Шэнь Бинсы, его слова о том, что он «не остановится ни перед чем», — всё указывало на одно.

Тот всё ещё хотел заняться с ним парным совершенствованием.

Даже после того, как он ему отказал.

Даже после того, как он в гневе ушёл на десять с лишним дней...

Услышав рассказ Цуй Синмяо, Жун Се понял, что Шэнь Бинсы не развлекался всё это время. Наоборот, он искал для него знаменитых врачей, обойдя всех целителей трёх великих сект.

Сердце Жун Се сжалось от жалости. Он отвернулся, не в силах смотреть на него.

— Но я... я не...

Его отказ уже не был таким твёрдым.

***

Несколько часов назад

Цуй Синмяо, под предлогом выписывания рецепта, призналась ему, что любит Шэнь Бинсы.

— Старший брат Жун, мне нравится Шэнь Бинсы, — сказала она, и её глаза сияли.

Увидев это выражение, Жун Се понял, что она говорит серьёзно.

Но почему она сказала это ему? Неужели ждала благословения? Слов вроде «вы прекрасная пара»? Или хотела заручиться поддержкой его окружения, прежде чем начать действовать?

В голове Жун Се пронеслось множество негативных мыслей, и улыбка на его лице стала натянутой.

— Но он никогда меня не полюбит. Никогда, — вдруг сменила тон Цуй Синмяо. Её глаза потускнели, юное лицо омрачилось грустью, и она понурилась. — Он идёт по Пути Бесстрастия. В мире нет ничего твёрже его даосского сердца.

— ... — Жун Се ошеломлённо смотрел на молодую девушку, и в его сердце зародилось сочувствие, сродни состраданию к товарищу по несчастью.

Стоило ей начать, и её было уже не остановить. Она без умолку рассказывала Жун Се, как хорош этот человек, как никто не может затмить его, как он сияет, и даже просто стоя рядом с ним, можно почувствовать на себе завистливые и ревнивые взгляды. И что самое ужасное — он этого совершенно не замечал, оставаясь собой.

— Ты знаешь, как трудно сохранить себя, когда на тебя обрушивается слава? Я, притворяясь лекарем Мяо, странствовала по миру и видела так называемых великих мастеров. Все они погрязли в славе и богатстве, от них несёт пошлостью и недалёковидностью, но они ещё и гордятся этим, заставляя каждого встречного принимать их правила. Старики — ладно, но молодое поколение порой ещё отвратительнее.

— Но он другой, — щёки Цуй Синмяо слегка покраснели, а в глазах снова зажглись звёзды. — Он очень... очень хороший...

В тот момент Жун Се понял чувства Цуй Синмяо. Это была не столько любовь между мужчиной и женщиной, сколько поклонение. Сияние Шэнь Бинсы затмевало все его недостатки, и девушка видела лишь его ослепительную сторону. Поэтому она, едва познакомившись со «старшим братом Жуном», который тоже был близок с ним, решила на такой откровенный разговор.

— Неужели? — мягко улыбнулся Жун Се, втайне сочувствуя ей. — Никогда бы не подумал, что дева Цуй так высоко ценит Шэнь Бинсы.

— Конечно. Я не могу позволить ему это заметить, — скривила губы та. — Он и так слишком задрал нос. Если узнает, то совсем вознесётся.

Жун Се рассмеялся.

— Кстати, старший брат Жун, то, что я тебе сказала, — не говори Шэнь Бинсы. Ни в коем случае. Это наш с тобой маленький секрет, — Цуй Синмяо протянула мизинец. — Давай скрепим обещание.

«Неужели будущая великая бессмертная в юности была такой милой?»

Жун Се улыбнулся.

— Можешь не сомневаться, я никому не скажу. Клянусь горной виллой «Тающий снег».

Цуй Синмяо успокоилась.

— Старший брат Жун, спасибо тебе. Мне некому было выговориться, я уже не могла держать это в себе...

— Но ты действительно не собираешься ему признаваться? Боишься поколебать его даосское сердце? — Жун Се подумал о будущей, отрешённой от мира фее Синмяо, о том, как она и Шэнь Бинсы проведут вместе более трёх тысяч глав, находясь рядом, но не имея возможности высказать свои чувства. Такая попытка, пожалуй, не легче сурового наказания.

— Старший брат Жун, ты такой милый. Если бы у меня был шанс поколебать даосское сердце этого камня, я бы непременно заставила его разбиться, лишила бы его совершенствования, а потом заперла бы в горах нашей Секты Облачных Гор и каждый день промывала бы его костный мозг водой из Камня, собирающего дух, пока он снова не достигнет стадии Зародыша души. Я верю, с его волей он преуспеет на любом пути.

Цуй Синмяо говорила с улыбкой, но в её словах прослеживался тщательно продуманный план, а не сиюминутный порыв.

— ... — Жун Се похолодел.

Наверное, такова молодость: ради желаемого можно пойти на всё, даже если это ломает другого. Но он был уже немолод и не мог восхищаться такой «смелостью».

— Старший брат Жун, я надеюсь, ты сохранишь мой секрет, — Цуй Синмяо сложила руки в молитвенном жесте.

— Да... не волнуйся.

— Знаешь, старший брат Жун, я тебе очень завидую, — сказала она в конце разговора. — До того, как я пришла сюда, я знала лишь, что у Шэнь Бинсы есть скрытый лучший друг, с которым он вырос и который готов на всё ради него. Придя сюда, я поняла, что такой эгоцентричный человек, как он, может совершенно забыть о себе рядом с другим. Если бы не его железное даосское сердце и не то, что он достиг стадии Зародыша души, я бы подумала, что он... глубоко влюблён в тебя.

Жун Се почувствовал, как в его голове что-то оборвалось. Щёки неконтролируемо вспыхнули. Он сидел, ошеломлённый, не зная, что ответить.

К счастью, Цуй Синмяо не смотрела на него, погружённая в свои мысли.

— Если бы Шэнь Бинсы так же относился ко мне, я бы согласилась быть слабой и больной. Тогда бы он постоянно был рядом, постоянно беспокоился обо мне. Какая прекрасная жизнь, даже если бы она длилась всего десять лет.

— ...

— Если бы Шэнь Бинсы ради меня разбил своё даосское сердце, я бы согласилась прожить даже один год... — продолжала бормотать юношеские глупости Цуй Синмяо.

— Всё-таки лучше прожить подольше, — Жун Се почувствовал, как жар спадает с его лица, и прижал к щекам тыльные стороны ладоней, словно охлаждая их. — Нет ничего прекраснее, чем жить молодым и здоровым. Старым и здоровым — тоже хорошо. Этот человек — всего лишь один человек, разве он может сравниться с многообразием мира, на который можно смотреть вечно и не устать?

Цуй Синмяо замолчала и с удивлением посмотрела на него.

— Ты... как же так... неужели он тебе совсем не нравится? Не может быть, я с первого взгляда... почувствовала...

Её слова обрывались. Вставая, чтобы уйти, она всё ещё выглядела так, словно не могла поверить своим ушам.

***

«Значит, я прошёл проверку? — Жун Се сидел на кровати, провожая её взглядом. — В глазах Цуй Синмяо я остался лишь верным другом Шэнь Бинсы».

Всё же он её недооценил. Она была одной из главных героинь той книги и явно не так проста, как казалось. Её слова были наполовину правдой, наполовину ложью, а целью было выведать его истинные чувства.

Жун Се не винил девушку за хитрость. У каждого взрослого разговора есть своя цель. Наоборот, он был благодарен за эту проверку, которая помогла ему окончательно разобраться в себе.

«Я действительно влюбился в него».

<http://bllate.org/book/15975/1500993>